

© 2019 **Хорошепцева Наталья Игоревна**
Khorosheptseva Natalya Igorevna

главный юрисконсульт отдела защиты интересов банка в сфере корпоративного бизнеса и взаимодействия с государственными органами юридического управления

Центрально-Черноземного банка ПАО Сбербанк

Chief Legal Advisor of the Banking Advocacy

Department in Corporate Business and Interaction

with Government Bodies, Central Black Earth Bank

of PJSC Sberbank

E-mail: n.khorosheptseva@gmail.com

УДК 347.12

**О ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕЩНОСТИ
ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ БАНКОВ
КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА**

**ABOUT THE VALUE OF CONSCIENCE IN RESOLUTION
OF DISPUTES WITH THE PARTICIPATION OF BANKS
AS PROFESSIONAL PARTICIPANTS OF CIVIL TRAFFIC**

Ключевые слова: принцип добросовестности, профессиональный участник гражданского оборота, добросовестность банков, судебная практика.

Keywords: principle of good faith, professional participant of civil turnover, good faith of banks, judicial practice.

В статье исследуется тенденция повышения значения оценочных категорий в гражданском праве, а также усиления роли общих принципов права, одним из которых является принцип добросовестности. Автором отмечается применение повышенных стандартов оценки добросовестности банков как профессиональных участников гражданского оборота. В статье проанализирована судебная практика использования ст. 10 ГК РФ при рассмотрении споров с участием банков. Отмечено отсутствие единообразия при определении судами пределов оценки добросовестности, а также разумное применение принципа добросовестности при рассмотрении споров с участием банков на уровне Верховного суда РФ. Вместе с тем, автором не исключается вероятность придания судами нижестоящих инстанций слишком большого значения оценке добросовестности банков по сравнению с иными значимыми обстоятельствами спора.

The article explores the trend of increasing the value of valuation categories in civil law, as well as strengthening the role of general principles of law, one of which is the principle of good faith. The author notes the use of increased standards for assessing the integrity of banks as professional participants in civil turnover. The article analyzes the judicial practice of using Art. 10 of the Civil Code of the Russian

Federation when considering disputes involving banks. There was a lack of uniformity in the determination by the courts of the limits of the assessment of good faith, as well as a reasonable application of the principle of good faith when considering disputes involving banks at the level of the Supreme Court of the Russian Federation. At the same time, the author does not exclude the possibility that courts of lower instances attach too much importance to assessing the integrity of banks in comparison with other significant circumstances of the dispute.

Развитие российской правоприменительной практики характеризуется повышением значимости таких оценочных категорий в гражданском праве, как "добросовестность", "разумность", "справедливость", "ожидаемое поведение", а также прогрессирующей ролью судейского усмотрения при разрешении споров.

Как отмечают сами правоприменители, подобная тенденция соответствует разъяснениям п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений разд. 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации", в соответствии с которым положения законов подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ [1].

Одним из общих принципов гражданского права является принцип добросовестности. В соответствии с п. 1 указанного выше постановления под "добросовестным" понимается поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, участвующего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе, в получении необходимой информации. По мнению современных цивилистов, повышение значения принципа добросовестности свидетельствует об усилении влияния социальных норм в российском гражданском праве [2].

Требование добросовестного поведения обращено к каждому участнику гражданских правоотношений, однако стандарты его оценки отличаются в зависимости от их субъектного статуса.

Так, при рассмотрении одного из экономических споров, ВС РФ сформулировал следующий подход: "Российское законодательство содержит повышенный стандарт поведения предпринимателей в гражданских правоотношениях (п. 3 ст. 401 ГК РФ) и стандарт ожидаемого добросовестного поведения при ведении ими деятельности (ст. 10 ГК РФ)" [3].

В качестве идиомы, отражающей суть повышенных требований к добросовестности указанных лиц, в правоприменительную практику прочно вошло такое выражение, как "профессиональный участник гражданского оборота", которое обширно применяется судами различных уровней, в частности, в отношении банков.

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии споров, при рассмотрении которых судами осуществляется оценка действий банков с точки зрения добросовестности профессионального участника оборота. Указанные споры условно можно разделить на те, в которых добросовестность банков имеет определяющее значение для их разрешения, и те, где оценка добросовестности осуществляется судами факультативно в целях дополнительной аргументации выводов, изложенных в судебном постановлении. Обратимся к некоторым из них более подробно.

1. Споры, связанные с оспариванием обеспечительных сделок при банкротстве лица, предоставившего обеспечение (ст. 10 и 168 ГК РФ).

Примером споров, для разрешения которых добросовестное поведение банков играет определяющую роль, является оспаривание обеспечительных сделок в рамках процедур банкротства лиц, предоставивших обеспечение.

Принятие дополнительного обеспечения по ранее выданному кредиту является для кредитных организаций распространенной практикой, направленной на снижение кредитного риска. Однако в случае последующего банкротства лица, предоставившего обеспечение, подобные действия банка могут быть признаны недобросовестными.

В 2015-2016 годах ВС РФ по итогам пересмотра двух дел со схожими фактическими обстоятельствами [4, 5] сформулировал следующий практикообразующий подход: недобросовестность действий банка считается доказанной, только если совершенные им сделки отклоняются от стандарта поведения обычной кредитной организации (совершение сделок в целях неправомерного вывода активов; получения банком безосновательного контроля над ходом дела о несостоятельности; реализации договоренностей между банком и лицом, предоставившим обеспечение, направленных на причинение вреда иным кредиторам).

При этом согласно позиции ВС РФ, бремя доказывания недобросовестности банка, являющегося независимым от группы заемщика, возлагается на того, кто ссылается на данный факт.

Вместе с тем, как показывает анализ судебной практики за период с 2016 по 2019 год, выводы судов об отсутствии в действиях банков признаков недобросовестного поведения во многом были обусловлены именно представленными банками доказательствами (документами, подтверждающими наличие между лицами, предоставившими обеспечение, и заемщиком аффилированности и корпоративных связей; данными об удовлетворительном финансовом состоянии лиц, предоставивших обеспечение, на момент совершения сделки и др.) [см., н-р. 6, 7].

Несмотря на применение указанных выше разъяснений ВС РФ в течение прошедших трех лет, оценка добросовестности действий банков в подобных делах все еще вызывает сложности у судов нижестоящих инстанций. Анализ споров, переданных в 2019 году на рассмотрение экономической коллегии ВС РФ, свидетельствует о продолжении формирования практики по указанной категории дел [8, 9].

2. Споры, связанные с оспариванием сделок при несоблюдении порядка их одобрения (ст. 174 ГК РФ).

Еще одной категорией споров, при рассмотрении которых соблюдение принципа добросовестности банками существенно влияет на решение по делу, является оспаривание сделок, совершенных с нарушением внутренних ограничений контрагента на сделку.

Общий подход, закрепленный в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений разд. I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" [10], и впоследствии в Постановлении Пленума ВС РФ от 26.06.2018 N 27 "Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность" [11] основан на том, что третьи лица, по общему

правилу, не должны устанавливать содержание внутренних ограничений контрагента при совершении сделки.

Вместе с тем обязанность по проверке учредительных документов контрагента в целях подтверждения полномочий на заключение сделки является общей для всех банков и установлена их внутренними документами. Таким образом, действия банка по совершению сделки с контрагентом с нарушением ограничений последнего на ее совершение могут свидетельствовать о его недобросовестном поведении и, как следствие, наличии оснований для применения ст. 174 ГК РФ.

Рассматривая подобные споры, суды придерживаются следующего подхода: если в распоряжении банка имелись документы и сведения, позволяющие установить наличие ограничений на сделку, однако необходимые одобрения не были получены от контрагента, такое поведение не является разумным и осмотрительным, а действия банка не отвечают требованиям добросовестности и, как следствие, сделка признается недействительной [12, 13].

Вместе с тем, в судебной практике встречаются дела, интересные с точки зрения определения разумных пределов при оценке добросовестности банка в совокупности с иными обстоятельствами спора.

Так, в одном из дел суд отказал в удовлетворении требования члена совета директоров о признании сделки по залогу недействительной в связи с отсутствием ее одобрения советом директоров, указав на отсутствие у банка новой редакции устава, предусматривающей само создание совета директоров и его компетенцию. Доводы заявителя относительно того, что банк мог запросить новую редакцию устава, сведения о принятии которой являлись общедоступными, суд посчитал менее убедительными, чем доводы банка о недобросовестности самого заявителя [14].

В 2015 году ВС РФ рассмотрел спор со следующими обстоятельствами: участником общества-залогодателя оспаривались заключенные между банком и обществом договоры ипотеки по мотиву фальсификации его подписи в документах об одобрении сделки. В обоснование недобросовестности банка было указано на различное оформление и содержание документов об одобрении, а также факт объективной невозможности доставки оригиналов указанных документов из места их составления (Сеул, Ю. Корея) в г. Петропавловск-Камчатский за 4 дня. Оценив доводы банка о заключении аналогичных договоров ипотеки с 2005 года, а также о произведенной регистрирующим органом регистрации обременения, в том числе, на основании документов об одобрении, суд пришел к выводу, что банк проявил достаточную степень осмотрительности, и отказал в удовлетворении требований [15].

3. Споры, связанные с толкованием условий договоров.

При рассмотрении споров, связанных с толкованием условий договора, суды также используют ссылки на профессиональный статус банков в той или иной сфере. В большинстве случаев подобные ссылки соответствуют используемым способам толкования, однако, случаются и исключения.

В соответствии с п. 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. N 16 "О свободе договора и ее пределах" [16], а также п. 45 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора" [17] в слу-

чае неясности условий договора толкование должно осуществляться судом в пользу контрагента стороны, которая предложила проект договора либо формулировку соответствующего условия. При этом, если не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, являющееся профессионалом в соответствующей сфере, требующей специальных познаний.

Юридической науке еще со времен римского права известен метод толкования условий договора *contra proferentem* (против предложившего), в соответствии с которым неясное условие в договоре должно быть истолковано против того, кто его предложил, и в пользу того, кто его принял. Вместе с тем, в указанных выше разъяснениях суды фактически объединили два различных метода толкования: "против предложившего" и "против профессионала".

Анализируя методы толкования условий договора, А.Г. Карапетов отмечал, что часто невозможно определить, кто из сторон договора является большим профессионалом, и соответственно, критерий профессионализма применим в куда меньшем количестве случаев, чем критерий авторства [18].

Очевидно, что в спорах, связанных с толкованием договоров, формы которых разработаны банками, объединение поименованных способов не будет вызывать противоречий, поскольку оно в любом случае будет осуществляться в пользу контрагента банка, чему в судебной практике есть много примеров.

Однако способен ли профессионализм банка повлиять на исход дела, если форма договора разработана его контрагентом, также являющимся профессионалом в аналогичной сфере? Как оказалось, это возможно.

Так, рассматривая требования банка о признании недействительным отзыва государственной гарантии субъекта РФ, предоставленной в обеспечение кредита, суды пришли к выводу, что условия о ее отзыве, сформулированы в гарантии, способом, допускающим неоднозначную трактовку. Банк, являясь бенефициаром по гарантии, указывал на необходимость толкования соответствующих условий в свою пользу, поскольку текст гарантии был подготовлен не им, а гарантом. Отказывая в удовлетворении требований, суды указали, что, являясь профессиональным участником правоотношений в сфере финансовых сделок по выдаче кредитов и заключая договор о предоставлении гарантии, банк должен был понимать возможность такого толкования гарантии, а также предвидеть соответствующие риски [19].

Таким образом, в рассматриваемом случае суд отошел от классического понимания толкования неясного условия методом "против предложившего", обосновав это лишь ссылкой на равный для сторон уровень профессионализма в сфере спорного условия договора.

4. Иные споры, при рассмотрении которых судами может оцениваться добросовестность банков как профессиональных участников оборота.

Уже в 2008 году ВАС РФ отмечал, что ссылка на злоупотребление правом не применяется в качестве основания для защиты нарушенных прав, если для их защиты предусмотрены другие нормы законодательства [20].

Однако в судебной практике могут возникнуть ситуации, когда при наличии специальных правовых норм, добросовестность банка также может стать предметом оценки со стороны суда.

Примером может служить дело по иску ПАО Транснефть к ПАО Сбербанк, в котором истец, ссылаясь на введение его в заблуждение относительно условий сделки, просил признать ее недействительной на основании ст. 10 и 168 ГК РФ. Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении требований, суд апелляционной инстанции не только не усмотрел недобросовестности в действиях банка, но и указал на наличие специальных правовых норм, предусмотренных для оспаривания сделки по заявленному истцом основанию [21].

Указанное судебное постановление интересно еще и с точки зрения оценки добросовестности в ситуации, когда оба участника спора обладают определенными навыками и знаниями в спорной области, а значит, оба могут рассматриваться как профессиональные участники гражданского оборота. В данном споре суд согласился с доводами банка о том, что контрагент обладал необходимыми ресурсами для оценки потенциальных рисков при заключении сделки и в процессе ее дальнейшего исполнения.

Еще одним примером факультативного использования судами ссылки на профессиональный статус банка являются споры, связанные с неисполнением или неправомерным исполнением банком исполнительного документа. Примечательно, что в подобных делах ссылка на профессиональный статус банка влечет для него негативные последствия в виде взыскания убытков как при недостаточной осмотрительности, например, при исполнении поддельного исполнительного документа [22], так и при чрезмерной, но признанной судом необоснованной [23].

Выводы

В одном из своих трудов Ф. Ницше писал: "Воля к системе есть недостаток честности". Формальное соблюдение участниками оборота существующей системы правовых норм, без оценки собственного поведения через призму честности и добросовестности, не способно обеспечить необходимое регулирование общественных отношений.

Идея законодателя о непосредственном применении принципа добросовестности, помимо разрешения возникающих спорных ситуаций, направлена на качественное изменение внутренней ответственности и культуры правового взаимодействия участников правоотношений.

Кроме того, реализация судами дискреционных полномочий, то есть возможность действовать по собственному усмотрению, посредством использования указанного принципа права приведет к более полному внутреннему осознанию сторонами смысла судебного усмотрения, а также формированию единых подходов в судебной практике.

На текущий момент анализ споров с участием банков позволяет обобщенно сделать следующие выводы:

- ссылаясь на недобросовестность банков, их процессуальные оппоненты представляют суду доказательства в обоснование своей позиции, которые должны получить судебную оценку.

- учитывая принцип состязательности в арбитражном процессе, даже при формальном отсутствии необходимости подтверждать свою добросовестность, банкам важно все-таки занимать активную позицию, представляя суду пояснения и доказа-

тельства, что влечет необходимость сбора соответствующих документов уже на этапе совершения сделок;

- по большинству категорий дел с участием банков в судебной практике отсутствуют единые критерии оценки добросовестности, а также единое понимание ее пределов;

- судебная практика, формирующаяся на уровне ВС РФ, характеризуется разумностью применения принципа добросовестности в спорах с участием банков. Однако, при рассмотрении нижестоящими судами конкретных дел, не исключены случаи придания профессионализму банков слишком большого значения по сравнению с иными существенными обстоятельствами дела. В подобных случаях банкам необходимо самостоятельно акцентировать внимание судов на подобных обстоятельствах, в частности, таких как: недобросовестное поведение самого контрагента, наличие у него профессионального опыта в спорной сфере и др.

* * * *

1. Вердиян Г.В. Принцип добросовестности в гражданском праве России: судебское усмотрение и процессуальные приемы его реализации// Мировой судья. 2019. N 1. С. 28 - 40.

2. Богданов Е.В. Социализация современного российского гражданского права как тенденция его развития// Современное право. 2018. N 1. С. 44-52.

3. Определение Верховного Суда РФ от 08.06.2016 N 308-ЭС14-1400 по делу N A20-2391/2013// СПС "КонсультантПлюс".

4. Определение Верховного Суда РФ от 28.12.2015 N 308-ЭС15-1607 по делу N A63-4164/2014// СПС "КонсультантПлюс".

5. Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2016 N 308-ЭС16-1475 по делу N A53-885/2014// СПС "КонсультантПлюс".

6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.11.2017 по делу N A12-18544/2015// СПС "КонсультантПлюс".

7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.12.2018 по делу N A56-37961/2015// СПС "КонсультантПлюс".

8. Определение Верховного суда РФ от 15.02.2019 N 305-ЭС18-17611 по делу № A41-14638/2016// СПС "КонсультантПлюс".

9. Определение Верховного суда РФ от 8 апреля 2019 г. N 305-ЭС18-22264 по делу A41-25952/2016// СПС "КонсультантПлюс".

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений разд. I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"// СПС "КонсультантПлюс".

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 N 27 "Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность"// СПС "КонсультантПлюс".

12. Определение Верховного суда РФ от 01.10.2018 N 305-ЭС18-14451 по делу № A41-23517/2017 и Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.06.2018 г. по делу N A41-23517/2017// СПС "КонсультантПлюс".

13. Определение Верховного суда РФ от 14.02.2019 N 305-ЭС18-20147 по делу № A41-89034/2017// СПС "КонсультантПлюс".

14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 сентября 2017 г. по делу N A53-14970/2016// СПС "КонсультантПлюс".

15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.08.2015 N 303-ЭС15-8244 по делу № N A24-53/2012// СПС "Консультант-Плюс".

16. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. N 16 "О свободе договора и ее пределах"// СПС "КонсультантПлюс".

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора"// СПС "КонсультантПлюс".

18. Карапетов А.Г. *Contra proferentem* как метод толкования договора// СПС "Консультант-Плюс".

19. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07 марта 2019 года по делу N А36-11964/2017// *kad.arbitr/*

20. Информационное письмо ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. N 127 "Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации"// СПС "КонсультантПлюс".

21. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2017 г. по делу N А40-3903/17// СПС "КонсультантПлюс".

22. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.04.2018 по делу N А40-71636/201// СПС "КонсультантПлюс".

23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.07.2018 по делу N А40-69191/2017// СПС "КонсультантПлюс".